

ЭДГАР КИНЕ

Пантеон

Перевод Ирины Дмоховской

I

ЖИЛА в 450 году в Нантерре близ Парижа пастушка-пророчица. При вторжении гуннов она заявила, что варвары не войдут в Париж. Местные жители, не видя у нее никакого оружия, кроме пастушеского посоха, сочли, что их предали, и хотели побить девушку камнями. Но ее предсказание сбылось, посох оказался сильнее молота Аттилы, и парижане объявили пастушку своей святой покровительницей. Эту первую Жанну д'Арк, избежавшую костра, звали Женевьевой.

Такова легенда, которую в середине восемнадцатого века архитектору Суффло предстояло одеть камнем. Первый камень заложил Людовик XV в 1764 году всего через несколько дней после смерти мадам де Помпадур. Но какая связь между пятым веком и восемнадцатым, между Аттилой и Людовиком XV, между святой Женевьевой и мадам де Помпадур, между парижанами времен короля Хильперика и времен энциклопедистов? Как совместить их? Был ли это один и тот же народ, одна и та же вера? Каким чудом найти в рамках искусства форму настолько всеобъемлющую, пространство настолько обширное, чтобы соединить в одном здании крайности разных эпох, варварство и утонченную цивилизацию, гуннов и энциклопедистов, легковерие и скептицизм, легенду и философию? Может ли архитектура выразить одновременно детство народа и его зрелость?

Такова была задача, когда дух восемнадцатого века выставил на конкурс проект церкви, посвященной пастушке эпохи

© Ирина Дмоховская. Перевод, 2020

Эдгар Кине (Edgar Quinet, 1803–1875) — историк, писатель и политический деятель. Перевод выполнен по изданию “Le Panthéon vu par Edgar Quinet”. — Paris: Scala, 2016.

Меровингов. Уже в первоначальном замысле имелась идея величия. Проблема почти неразрешимая сама по себе оказалась еще более неразрешимой в конце царствования Людовика XV.

Архитектора Суффло отдаленное прошлое ничуть не интересовало. Как все его современники, он исходил лишь из отвлеченных идей. Он словно бы забыл об исторических деталях; святая и покровительница, в честь которой воздвигнута церковь, в его творении практически отсутствует. Поэтому при первом знакомстве этот памятник и не затрагивает душу: он не связан ни с каким прошлым, он нисколько не напоминает о старой Франции.

Суффло строил свое здание не на фундаменте легенды. Его не интересовали средневековые уставы и летописи, он жил в эпоху света, его современниками были Монтескье, Руссо, Бюффон, Вольтер — эти четыре столпа века Просвещения. Мысль этих людей проникает в здание Суффло повсюду. Не ищите там нарочитых сумерек готических сводов. Везде вы встретите лишь пытливість разума. Весь памятник наполнен светом восемнадцатого века. Свет струится вдоль колонн, поднимается выше, искрится под куполом. Упорный луч просвещенного духа сопровождает вас до могил. Основная черта этого здания — оно сооружено из света. И где же тут алтарь тайны? Я не вижу для него места.

Архитектор не заботился об условностях и требованиях культа. Он хотел соперничать, но не в вере и не с прошедшими веками, а в смелости — с новым временем. Не забудем, что образ купола парижского Пантеона возник у Суффло в Риме перед куполом, возведенным Микеланджело. Как, состязаться с Микеланджело? Да. С тех пор как купол собора Святого Петра поднялся над горизонтом, каждый архитектор стремился воздвигнуть столь же высокий собор, чтобы он мог вместить в себя все богатство мысли столетия. Весь пятнадцатый век воплотился во флорентийском соборе Санта-Мария-дель-Фьоре, шестнадцатый — в соборе Святого Петра, а позже вся Англия в лондонском соборе Святого Павла. Суффло тоже хотел создать подобное пристанище для идей своего столетия.

Суффло отважился и на большее. И у Микеланджело, и у итальянца Филиппо Брунеллески, и у англичанина Кристофера Рэна дерзкий купол опирается на солидное основание. Суффло со смелостью или легкостью, свойственной тому времени, решил, что его купол удержат всего четыре колонны. Говорят, они стали гнуться, им не хватило силы. Пришлось им помочь, укрепить при помощи тяжелых столбов. Здание устояло и

по-прежнему держится: вторая его отличительная черта — смелость. Добавим: смелость в высшей степени уместная.

Если бы архитектор помнил о святой Женеви́еве, он, возможно, сохранил бы что-то от смирения древних романских церквей. От папертей старых базилик. От скромных романских куполов, еще близких к земле и лишь пытающихся подняться, — тех куполов, что предшествовали возведению величественного парижского свода.

Я, со своей стороны, хотел бы видеть среди настенных изображений посох и веретено святой Женеви́евы в сочетании с молотом Аттилы. Но нет! С первых шагов вас окружает коринфское великолепие.

Взгляните на эту колоннаду. Похожа она на порог пастушьего жилища? Что делать пастушке у подножия этих горделивых колонн? Если бы она еще могла спрятаться в одной из выемок, как в дупле старого дерева! Нужен ли этот великолепный портал, чтобы пряхть нить судеб Франции? Как совместить со всем этим овчарню и хижину? Зачем пастушке эта возносящаяся к небу колоннада? Разве пристало этим сводам выслушивать пастушьи гимны? Под ними должны бы звучать последние элегии какого-нибудь Тиртея или слова какой-нибудь “Марсельезы”.

Нет, это не дом пастушки. Что же сделал архитектор? В честь какого бога воздвиг он эти колонны и этот купол? Что это — храм Природы, Науки, Духа? Во Франции Старого порядка на этот вопрос не мог ответить никто. Монумент, созданный в память святой Женеви́евы, оставался загадкой, которую не мог разрешить сам архитектор, да и никто другой не умел сказать, какому богу посвящен этот новый алтарь. Некоторое время еще спорили относительно необычного вида купола, потом и вовсе замолчали. Восемнадцатый век подходил к концу, и самый важный его памятник, выпадая из традиции, остался чуждым старой Франции: она проходила у его подножия, не глядя на него и не понимая его. Его название не связано ни с одним из деяний монархии. Возвышающийся над Парижем, высланный далеко в предместье, он казался храмом, затерянным в пустыне.

Кому же открылся смысл этой каменной загадки? Кто дал ей подлинное имя? Французская революция. Для этого понадобилась смерть Мирабо. Нужно было отыскать пристанище для еще теплых останков великого оратора, и 4 апреля 1791 года Учредительное собрание, воодушевившись единым порывом, нашло его на холме Святой Женеви́евы; убежденность героического духа открыла суть этой церкви как храма славы. Энтузиазм оказался важнее правил искусства. Собра-

ние увидело то, что ускользнуло от внимания самого архитектора: в сущности он заранее создал убежище для великих мертвецов, убежище, призванное напомнить о божестве до селе неизвестном — Свободе. В порыве гражданственности Учредительное собрание дало имя памятнику, и он впервые приобрел душу и смысл. Это имя — Пантеон.

Теперь, когда церковь стала знаменитым храмом, все изменилось. Стало ясно, почему это просторное и пустое помещение так напоминает форум. Народ будет собираться здесь, чтобы вынести свое суждение о покойниках. Вот почему эти великолепные колонны столь высоки, а купол возносится, как корона на голове Парижа. Храм символизирует прославление не пастушки, но Франции, Матери-Родины и ее великих граждан. То, что осуждалось как роскошь, неуместная для нантерской прорицательницы, оказалось необходимым для увековечения памяти тех, кто достоин славы. Чтобы прославить граждан, которым земная родина воздает земные почести, требовались самые высокие колонны, самые горделивые капители, самые богатые гирлянды. Недостатки церкви превратились в достоинства Пантеона. Чтобы завладеть им, туда внесли Мирабо. Он был первым насельником этого дворца человеческой славы. И каждый в тот момент думал, что могущественный гражданин обрел здесь вечный покой и отныне стал бессмертным навеки. С какими восклицаниями провожали его в последний путь! Словно за его гробом шла вся нация! Мирабо “открыл” Пантеон. Пусть же покоится в мире, веря в завоеванную свободу и память будущих поколений. Весь народ будет почитать его прах.

Так Франция видела в то время свое будущее. Когда Учредительное собрание бросало последний венок на гроб Мирабо, она верила, что за ним последует длинная череда других, пока еще не известных, великих граждан. Она воображала, что самой благородной честолюбивой мечтой грядущих поколений будет удостоиться места в этих катакомбах новой Франции. Каждый тогда готов был с радостью умереть за родину. Что может быть прекраснее, чем оказаться после смерти в подобном великолепном здании; сама смерть представлялась тогда героической, спокойной, украшенной гирляндами и благословениями окружающих. Этот дух, этот порыв к героическому будущему Учредительное собрание выразило в словах:

Великим людям благодарное отечество.

Иллюзия, несбыточная мечта, я знаю, просуществовавшая всего день, но именно она ярче всего свидетельствует о подь-

еме духа, царившем в эти первые часы возрождения Франции. Казалось бы, так просто представить себе блистательных потомков, которые, безусловно, появятся в грядущем и будут оспаривать честь нахождения в этом храме.

В ту пору сердца были еще так далеки от увядания! Никто не сомневался в героизме будущих поколений. Лучшей наградой считалось достойное место погребения. Великие эпохи с легкостью верят в существование великих людей. Заброшенным могилам королей в базилике Сен-Дени противопоставлялась усыпальница великих граждан.

Пантеон возвышался над Парижем, лежащим у его подножия, и являл собой для народа постоянное великолепное зрелище. Это не ускользнуло от внимания революционных деятелей. Использовать Пантеон в своих целях не означало для них поддаться политическому тщеславию. Монумент должен был послужить воспитанию нации — на примере ее прославленных покойников. Все жители города будут помнить о знаменитых могилах, заключающих в себе вечно живую душу Франции. Мертвые найдут свою награду, а живые — свою дорогу в будущее. На входе в Революцию воздвигся огромный блистающий маяк смерти — воздвигся, чтобы осветить путь в грядущее. Последнее пристанище великих людей станет для населения, кишащего у их ног, символом одобрения, надежды, а если надо, и упрека. <...>

III

Кого Учредительное собрание выбрало для Пантеона после Мирабо? Кому из представителей Старого порядка предстояло составить ему компанию? Своим решением Собрание должно было окончательно определить предназначение здания. Кого собрание захочет отличить — политиков, попирающих справедливость и проливающих кровь? Тиранических гениев? Или вознамерится прославить всемогущество оружия? Кто найдет пристанище под этими сводами — Ришелье, Тюренн, Конде, Карл Великий? Нет. Сначала это Вольтер, затем Руссо. Сияние Просвещения — вот что должно определять характер Пантеона, и ничто уже не сможет этого изменить.

10 июля 1791 года останки Вольтера, покоившиеся на отдаленном деревенском кладбище, перевозят в Париж. Поистине дух восемнадцатого века и современной цивилизации наконец овладевает своим храмом. Гроб с прахом перевозится в античной колеснице на бронзовых колесах, ее тянут белые лошади. Правят колесницей люди в древнеримских оде-

ждах. Попытка отвлечься от бушующих повсюду страстей? Как это не похоже на трагическую простоту кортежа, сопровождавшего Мирабо! Все помнят о бегстве короля и его жалком возвращении из Варенна. Через три дня – праздник Федерации, годовщина 14 июля. Среди этих волнений Париж отводит себе день радостной безмятежности, следя за *Апофеозом* Вольтера¹. Кортеж останавливается на площади Бастилии, гроб и статую Вольтера водружают на развалины тюрьмы. Кажется, весь город хочет сказать: “Посмотри, как мы за тебя отомстили!” Единственный в своем роде момент, когда Революцию, умиротворенную и доверчивую, осветила улыбка Вольтера. Здравый смысл, разум, справедливость, умеренность в торжестве стали, казалось, уделом всех. Под взглядом Вольтера на один день рассеялись сомнения, тревоги, гнев, даже ужасы. Все были уверены в победе – ведь на их стороне такой заложник истины и бессмертия!

Совсем иной была судьба праха Руссо. Он прибыл в Пантеон лишь 11 октября 1794 года. Но за это время все переменялось. Минувшие три года включили в себя целый век. Под сводами Пантеона появились останки Марата; они прогнали прах Мирабо, посмертно уличенного в сговоре с королевским двором.

Теперь появление праха Руссо выглядело как ритуал очищения после осквернений. Но как люди были далеки от наивной веры прежних лет! Что если в смерти таится некая страшная тайна, которая может испортить торжество? Но сомневаться в Руссо и Вольтере! После грозы они остались на месте, примирившиеся, бессмертные хранители Революции. Одни после всех волнений, но их двоих было достаточно, чтобы заполнить Пантеон. Кто мог бы изгнать их оттуда?

Революция кончилась (по крайней мере, так считалось), но никто не потребовал ни для одного из вождей места в ее храме. И уж тем более не было речи о том, чтобы отправить туда и устроить на одном каменном ложе руководителей разных партий. Как будто боялись, что покойники воскреснут и снова начнут бороться друг с другом. Революция воздвигла памятник великим людям, но заполнить его предоставила будущему. Этот памятник как бы не был завершен, он символизировал отдаленную надежду, грядущее счастье или, скорее, гражданскую религию, призванную увенчать общественную жизнь.

1. Намек на эстамп “Апофеоз Вольтера”, появившийся в 1782 г. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

Монумент, подобный двуликому Янусу, — одна его сторона повернута к прошлому, другая к будущему. В связи с идейными течениями времени он все время меняет название — то церковь, то храм, то Святая Женевьева, то Пантеон. Он один мог бы свидетельствовать о поражении или победе Революции.

Первая империя, казалось, забыла о Пантеоне, но вдруг Наполеон распорядился похоронить там одного из своих самых храбрых генералов, Ланна. Если бы спросили народ, в соседи Ланну, наверно, предложили бы Оша, Клебера, Марсо, Жубера¹. Но Ланн остался один — явно не на месте в этой гавани мира. Да и чего стоили похоронные почести, зависящие лишь от милости и дружеского отношения государя? В обители Вольтера и Руссо появились никому не известные сановники, от чего оно вскоре лишилось своего ореола. Имя сохранилось, но идея исчезла. Это больше не была ни Святая Женевьева, ни Пантеон, но нечто без души, без смысла, пустая могила мертвой революции.

Реставрации и этого показалось мало, но здесь, как и во всем прочем, ее ненависть привела к обратному результату. Пантеону было возвращено старое название, но именно это напомнило о его политическом и общественном значении. Население, чувствительное к словам, начало привязываться к этим камням, — ведь их пытались отнять. Реставрация, уничтожив надпись “Великим людям...”, казалось, хотела лишить народ надежды. Между тем Реставрация могла бы обратиться эти слова себе на пользу, но нет, она сделала все, чтобы они обернулись против нее. С какой яростью она приближала собственный конец!

Реставрация посмела вскрыть гробы Вольтера и Руссо, извлекла останки и, засунув их в мешки, выбросила в сточную канаву где-то возле Сены. Наказание за разгром королевских могил в базилике Сен-Дени. А если бы осквернителей поймали на месте преступления? Но весьма благоразумно (кто бы мог подумать!) они предпочли совершить свое черное дело под прикрытием черной ночи. Секрет этой тайной победы над костями мертвецов сохранялся так тщательно, что выявился лишь недавно — при обычном для нашего времени равнодушии. Тридцать лет люди приходили на пустые могилы. Этот секрет, этот страх, это молчание, эта ночь — наше единствен-

1. Луи-Лазар Ош (1768–1797), Жан-Батист Клебер (1753–1800), Франсуа-Северен Марсо-Дегравье (1769–1796), Бартеlemi Жубер (1769–1799) — известные полководцы. Прах Марсо-Дегравье был захоронен в Пантеоне в 1889 г.

ное оправдание. По крайней мере, вы не можете обвинить нас в том, что мы добровольно и сознательно развеяли по ветру прах наших великих людей, равно как и их идеи.

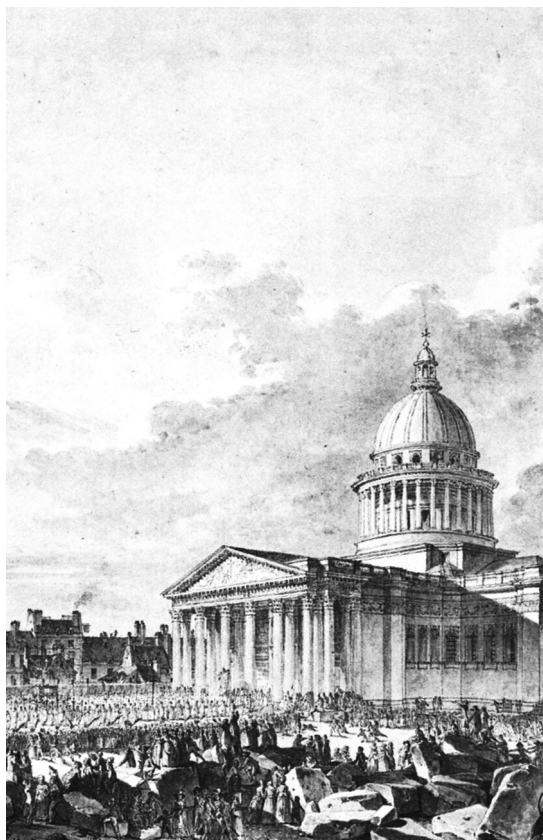
[270]

ИЛ 3/2020

IV

<...> Тщеславный проект обожествления человечества. Оно над этим смеется. Кто потребует тишины и почитания мертвых, если мертвых нет. Пустые могилы примут за обычный музей.

Таково основное возражение. На него ответит только будущее. Больше мне на эту тему сказать нечего. Хочу напомнить о другом. Самый главный Пантеон, воплощающий мораль, совесть, идеальную родину, политическую свободу, должен находиться в сердце и в доме каждого человека. Его колонны бу-

дут живыми, они вознесутся до неба без всякой помощи укрепляющих столбов. Пока этого здания не существует в душе каждого француза, нечего и думать о создании общего дома гражданской славы и бессмертия. Пока люди уверены, что право на стороне сильного, никакой Пантеон невозможен. Он останется пустым, даже если до крыши заполнить его мраморными фигурами. Какой толк каменным людям от других каменных людей? А покойники терпеливы; пусть подождут.